

ИВАН ИВАНОВИЧ СОЛЛЕРТИНСКИЙ (1902–1944)

На рубеже 60-х – 70-х гг. XIX века из Рязани в Петербург приехали сыновья священника Ивана Соллертинского Иван и Василий. Оба поступили в Петербургский университет. Младший из братьев, Василий, стал математиком (впоследствии, в начале 1900-х гг., был директором Гатчинской учительской семинарии), брат Иван стал юристом.

В 1875 г. двадцатипятилетний кандидат прав Иван Соллертинский был принят кандидатом на судебную должность при Петербургском окружном суде, а вскоре был назначен помощником секретаря. В 1876 г. ему присвоили чин титулярного советника. В том же году он из помощников был переведен в секретари, а еще через два года его назначили столоначальником. Продвижение по службе продолжалось: в 1880 г. Соллертинского произвели в коллежские асессоры, в 1884 г. – в надворные советники, в 1885 г. назначили членом Петербургского окружного суда. Еще через два года его перевели на должность консультанта при Министерстве юстиции, «с возложением обязанностей управления первым уголовным департаментом Министерства юстиции». В 1887 г. он произведен в коллежские советники, а в 1889 г. – в статские. В 1891 г. он уже действительный статский советник, особа четвертого класса по тогдашней Российской «табели о рангах» – молодой преуспевающий генерал.

В 1894 г. Соллертинский был назначен председателем только что учрежденного Петрозаводского окружного суда. В отчете олонецкого губернатора за 1895 г., в частности, говорилось: «Судебная власть гласно открыла народу суд скорый и правый, заслужив тем полное доверие к правосудию... Столь отрадные явления достигнуты единственно разумным руководительством в судопроизводстве председателя окружного суда действительного статского советника Соллертинского...»

В декабре 1898 г. Соллертинский получил назначение в Витебск. Свидетельством того, как здесь относились к новому председателю окружного суда Ивану Ивановичу Соллертинскому, может служить его избрание мировым судьей Витебского уезда.

Важная перемена в личной жизни Ивана Соллертинского произошла в результате знакомства с витебской семьей Бобашинских. У Иосифа Антоновича и Домны Афанасьевны Бобашинских было пять дочерей и сын. Дочери были бесприданницами. Пятидесятилетний Иван Соллертинский попросил руки младшей дочери Бобашинских, Екатерины Иосифовны. Ее родители этот брак благословили.

20 ноября (3 декабря по новому стилю) 1902 г. у Соллертинских родился первый ребенок. В роду Соллертинских было принято называть сыновей Иваном, Василием, а дочь Екатериной. Поэтому первенца нарекли Иваном.

В январе 1904 г. теперь уже тайный советник Соллертинский был направлен в Харьков на должность старшего председателя судебной палаты. В Харькове родилась дочь Соллертинских Екатерина. В марте следующего, 1905 г., безупречному

чиновнику предложили пост обер-прокурора уголовного кассационного департамента сената. Впервые за тридцать лет на государственной службе Соллертинский попробовал отказаться, самокритично сославшись на недостаток теоретической подготовки и пошатнувшееся здоровье. Однако в начале следующего года этот вопрос встает вновь. Его назначают обер-прокурором и сенатором и вызывают в Петербург. В апреле семья переезжает в столицу империи. 3 мая «именным высочайшим указом» Соллертинский назначается товарищем министра при вновь назначенном министре юстиции Щегловитове. Однако здоровье на исходе.

Лето 1906 г. он проводит частью в Петербурге, частью в Гатчине, и тогда же на свет появился его третий ребенок, сын Василий. А в конце года Сол-

Василий и Иван Соллертинские.
Петербург, 1870-е гг.

Иван Иванович Соллертинский-старший.
Витебск, начало XX в.

Екатерина Иосифовна Соллертинская, урожденная
Бобашинская. Витебск, начало XX в.

лертинский подал прошение об отставке. Прошение было удовлетворено. 27 января 1907 г. тайный советник Соллертинский «увольняется от должности товарища министра юстиции с оставлением в звании сенатора» и одновременно «увольняется в отпуск для лечения за границу на четыре месяца». Улучшения здоровья, однако, не наступает. 28 мая он пишет прошение о продлении отпуска по болезни. Отпуск дают «вплоть до выздоровления». Однако менее чем через месяц, 24 июня 1907 г., Иван Иванович Соллертинский-старший скончался. Его вдова осталась с тремя малолетними детьми. Ивану-младшему не исполнилось тогда и пяти лет.

После смерти мужа жизнь Екатерины Иосифовны круто изменилась. Вдова с детьми пришлось сменить квартиру. Переехали на Сергиевскую (ныне ул. Чайковского). С началом Первой мировой войны переехали в еще более дешевую квартиру в том же доме.

В 1911 г. Иван Соллертинский-младший поступил в приготовительный класс третьей мужской классической гимназии. Это было одно из лучших учебных заведений Петербурга. По воспоминаниям, педагоги там были весьма строги и не скучились на низкие оценки, дабы выработать у будущих гимназистов умение трудиться. Нередко и Ваня Соллертинский приносил домой двойку. Однако в 1912 г. он был принят в первый класс и далее все семь лет учился на одни пятерки.

В гимназии преподавались французский, немецкий, латинский и греческий языки. Дома юный гимназист декламировал перед матерью и младшими сестрами речи Цицерона, отрывки из «Илиады» и «Одиссеи». Затем зазвучал высо-

кий слог трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида, комедии Аристофана. И на всю свою жизнь Иван увлекся Шекспиром. Вообще, литература в жизни детей Соллертинских заняла самое почетное место. Екатерина Иосифовна пристрастила детей и к театру. Об интересе к музыке в те годы сведений не сохранилось. Практически слушать ее было негде. Ходить в оперу не позволяли рамки семейного бюджета.

Потом была зима 1918 – 1919 гг. В Петрограде царили голод и холод. По карточкам выдавали по осьмушке фунта хлеба на человека. Выручала старшая сестра Екатерины Иосифовны, жившая в те годы в Новосибирске, она и прислала несколько посылок с продуктами. Наряду с голодом одолевали болезни – тиф, потом испанка. Едва прийдя в себя, вдова написала другой сестре, в Витебск. Сестра приехала помочь. На семейном совете решили временно перебраться в Витебск, где после смерти родителей оставались две из четырех сестер Бобашинских.

Находясь в стороне от фронтов Гражданской войны, Витебск мог предоставить своему населению вполне сносные по тем временам быт и снабжение продовольствием. Из Петрограда и других культурных центров сюда устремилась интеллигенция. «...В Витебске, где в течение девяти веков все шло тихо и спокойно, по-провинциальному, вдруг закипела жизнь. В городе, где до сих пор не было музыкальной школы, были основаны консерватория и пять музыкальных школ. В городе, где за девять веков был, кажется, один раз организован концерт оркестра, появился симфонический оркестр, который сыграл за первый сезон 22 концерта, а всего за два с половиной

года — около 240 концертов. Появились государственный хор, театральная студия и музыкальные клубы. Подобное оживление было не только в музыке. Появилась художественная школа, где работали Марк Шагал, Мстислав Добужинский, «конструктивист» Малевич. Открылся университет, — так дирижер и музыкальный критик Николай Андреевич Малько вспоминал о «витебском ренессансе».

Семья Соллертинских уехала из Петрограда летом 1919 г., как только сын Иван окончил полный курс единой трудовой школы (так теперь называлась его гимназия). Самообразование можно было продолжить и в Витебске, где также предоставилась возможность разносторонней деятельности и обретения интересных знакомств.

Но прежде всего следовало подумать, как и на что жить. Сестры Бобашинские занимали маленький, в четыре комнаты, дом в Заручавье, недалеко от центра города, за ручьем, замыкающим треугольник между Западной Двиной и Витьбой. Домик с небольшим садом находился за Мариинской гимназией, где преподавала Елизавета Иосифовна Бобашинская. В доме оказалось тесно, и Екатерина Иосифовна решилась отправить dochь Катю к своему брату Василию в Смоленск. (Правда, осенью 1920 г., соскучившись по матери и братьям, Катя самовольно вернулась в Витебск). Екатерина Иосифовна присматривала за младшим сыном, а старший устроился на работу.

На первых порах он служил статистиком губернского статистического отдела. Однако через несколько месяцев нашел место, более соответствующее его устремлениям: с 1 июня 1920 г. Иван Соллертинский назначается разъ-

ездным инструктором подотдела искусств губернского отдела народного образования (губисполком в те годы находился в здании бывшего дворца губернатора). В июле 1920 г. Соллертинский был командирован в Невельский и Городокский уезды для обследования художественной и театральной жизни, но потом служил только в самом Витебске.

Двадцать два года спустя, в Новосибирске, Иван Иванович завел тетрадь, в которой несколькими строками отметил обстоятельства своей жизни, начиная с 1920 г. В начале этого списка значатся:

«Работа в Витебском статистическом бюро.
Знакомство с Л.В. Пумпянским.

Лето. Поездки в Невель и Городок. <...> Знакомство с М.В. Юдиной, М.М. Бахтиным, В.И. Волошиновым.

Подотдел искусств. П.И. Медведев, В.Ф. Дра... (?), А.А. Сумароков.

Н.А. Малько. Э.Е. Беллинг. Пристрастие к симфонической музыке.

Переезд в Витебск М.М. Бахтина.

Осень. Отъезд в Ленинград Л.В. Пумпянского.

Первые лекции в драматической студии...»

Преподавание в Витебской драматической студии положило начало педагогической деятельности Соллертинского. Здесь он прочел цикл лекций по истории театра, драматургии, истории грима. Один из учеников драматической студии, Е. Крейнович, впоследствии лингвист и этнограф, вспоминал: «...Юноша в гимназическом кителе, с головой, гладко остриженной под машинку. Довольно высоким и не сложившимся еще голосом он сказал, какой курс будет нам читать. Юноша выглядел не намного старше не-

Витебск. Здание окружного суда. Открытка начала XX в.

Ваня и Катя Соллертинские. Харьков, 1906 г.

которых из нас, и странным казалось, что, только окончив гимназию, он будет уже чему-то нас учить. Но юноша оказался дивом. Он стал рассказывать нам о происхождении европейского театра, начав вести его историю с зарождения древнегреческой трагедии... Он словно взял нас, детей, за руки и... водил по миру прекрасного — по театрам и драматической литературе Древней Греции, Италии, Испании, Франции, Англии, Германии, Норвегии... <...> Все, что он нам читал, он декламировал не в переводах, а в оригиналах. На древнегреческом мы слушали в его чтении Гомера, Эсхила, Софокла и Еврипида, на латинском Овидия и Луккула, на итальянском Данте и Петрарку, на французском Расина и Бодлера, на английском Шекспира, Байрона, Шелли, на немецком Гете, Шиллера, Гейне... Нас поражала его память, и он рассказывал нам, как он систематически тренирует ее, ежедневно заучивая стихи с постепенным увеличением числа запоминаемых строф. Теперь он вбирал в свой изумительный мозг поэзию Блока. Он жаловался нам, что не может достать в Витебске грамматики испанского языка, и вынужден изучать этот язык по найденному им переводу Библии на испанский...»

Новые увлечения Соллертинского, история и философия, связаны с посещением лекций Л.В. Пумпянского и М.М. Бахтина. Симфонические концерты, которые он неизменно посещал, также формировали будущего музыковеда (хотя пока не музыке отдавалось предпочтение). Интерес к балету тоже, видимо, отсюда, из Витебска: знаменитый балетмейстер В.И. Пресняков организовал здесь школу танца.

Но в 1921 г. родной город уже стесняет молодого человека. Возможности познания и духовного роста здесь были исчерпаны. Давно прослушан весь местный концертный репертуар. Обследованы, в основном, библиотеки. А имеющиеся деятели культуры, переждав лихолетье, один за другим из Витебска уезжали. Кроме того, юный Соллертинский испытывал потребность в систематическом образовании.

В марте 1921 г. Иван Соллертинский сумел на несколько дней вырваться в Петроград. С утра до вечера читал в публичной библиотеке, потом до поздней ночи штудировал книги из личной библиотеки Пумпянского, на квартире у которого остановился. Тогда же он прослушал две лекции самого Пумпянского — в бывшем Тенишевском училище и Вольной философской ассоциации.

В мае 1921 г. Соллертинский окончательно перебрался в Петроград. Оставленная два года назад квартира оказалась заселенной чужими людьми; пропали все оставленные в ней вещи Соллертинских. Существовать семье из четырех человек в условиях разрухи и безработицы в Петрограде было бы невозможно. Екатерина Иосифовна с младшими детьми осталась в Витебске. Жить им предстояло, в основном, на зарплату шестнадцатилетней Кати. Вася в 1920—1923 гг. учился в Витебском народном училище.

(Воссоединиться семья смогла только через три года, когда, после скитания по чужим квартирам, Ивану Ивановичу удалось получить жилье — две комнаты в коммунальной квартире на Пушкинской улице, рядом с Невским проспектом у Московского вокзала. Сюда смогли возвратиться из Витебска Екатерина Иосифовна с Васей. Катя к этому времени вышла замуж и

И.И. Соллертинский и Л.В. Пумпянский.
Витебск, 1920 г.

поселилась в Москве).

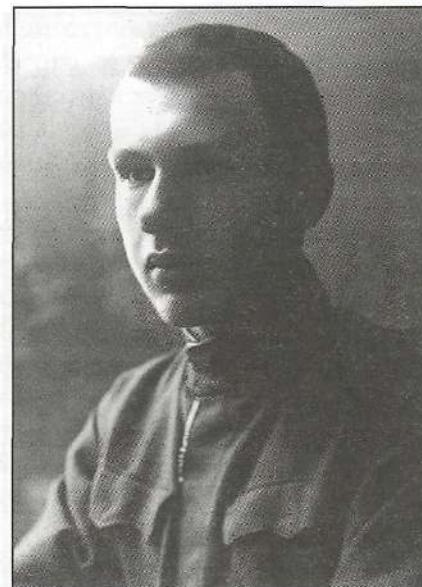
По прибытии в Петроград Иван Соллертинский нашел работу в бывшем Тенишевском училище. Преподавал курс истории. На одной из страничек записной книжки намечены темы рефератов по русской истории. Темы и чисто исторические, и историко-культурные, что отвечало пристрастиям юного педагога.

«С июня 1921 года. Первые посещения филармонии». Из 116 концертов, которые состоялись на протяжении сезонов 1921 – 1922 и 1922 – 1923 гг., Соллертинский не пропустил ни одного. Его интерес к музыке уже в эти годы не ограничивается пассивным слушанием. По воспоминаниям Н.А. Малько, «он не только знал громадное количество музыкальных сочинений, знал, в сущности, наизусть, но у него всегда было к сочинению отчетливое критическое отношение, основанное, как ни странно, на большом опыте».

В сентябре 1921 г. Иван Соллертинский поступил в университет на отделение романо-германской филологии, решив сначала остановиться на испанском языке и литературе. Однако ограничиваться этой специальностью он не собирался. Кроме курсов, которые читались в университете, он посещает лекции Пумпянского. Вот некоторые их темы: «Опыт построения системы нравственности», «О современном состоянии Европы в освещении новых социологических теорий», об антропософии, о философии музыки. Были в Петрограде и другие лекторы, чьи выступления также привлекали юного Соллертинского: С.Э. Радлов «Романтизм и классицизм на сцене»; А.З. Штейнберг «Трансцендентальный метод и метафизика»; А.З. Штейнберг «Пределы воображения»; В. Шкловский «Герои Достоевского»; Кудрявцев «Крушение цивилизации (Освальд Шпенглер и его философия истории)».

Зимой 1921 г. Соллертинский познакомился с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. До самой смерти его связывала с Шостаковичем большая дружба.

В 1922 г. знакомство с крупнейшим специалистом в области балетного театра А. А. Гвоздевым положило начало длительному интересу Соллертинского к балету. В 1923 г. он начал преподавать в Хореографическом училище. Вел курсы истории балета, западноевропейской литературы, истории русского и западного театра. Воспоминания о занятиях Соллертинского с будущими артистами балета оставила балетный критик Г.Д. Кремшевская: «Лекции Ивана Ивановича – это впервые в практике училища были не уроки, а лекции, – никто не пропускал. На них бежали бегом после репетиции, не успев привести себя в порядок... Их ждали, их любили, их безоговорочно приняли как нечто необходимое, нужное для себя». Но Соллертин-

Надпись на обороте фотографии:
«Дорогой тете Лизе на память о совместной жизни
в Витебске (1919–1921). От благодарного и любящего
племянника». Витебск, 7 мая 1921 г.

ский не только преподавал в училище, он пришел туда, чтобы учиться самому, учиться теории балета, наблюдать репетиции и уроки, где шлифовалось мастерство будущих звезд балетной сцены.

21 мая 1923 г. Иван Соллертинский был зачислен научным сотрудником Государственного института истории искусств. В анкете, заполненной в середине 20-х гг., в графе «общее и специальное образование» Соллертинский указывает: «Окончил ГИИИ в 1923 году». Экзамены, которые он сдавал в течение года, охватили весь курс и были зачтены как выпускные.

Важная веха 1923 г. – начало работы над «Письмами о танце» Ж.-Ж. Новера. Здесь проявляется то качество, которое станет определяющим для всей деятельности Соллертинского: какой бы академичной ни казалась избранная им тема, как далеко ни отстояла бы она по времени, исследователь неизменно находит и подчеркивает в ней то, чтоозвучно современности. Не случайна и особенность перевода, осуществленного Соллертинским: его современность, отсутствие архаизации языка, отказ от стилистики XVIII века во имя большей доступности читателю.

Весной 1924 г. Соллертинский окончил университет. Кроме обязательных для него романских языков, он изучил и многие другие, от санскрита до скандинавских.

Круг пристрастий Соллертинского к этому времени вполне определился. В поле его зрения – поэзия и драма, опера и балет, музыка и кино. Хотя по-прежнему театр больше занимал Соллертинского, особое место в его жизни занимает музыка. Недаром в дневнике он записывает: «По-

ведать о себе словами не могу. Музыка — вот тот идеальный язык, которому принадлежит всякая частица моего этоса».

И чем дольше трудилась его душа, чем глубже он проникал в тайну музыки, тем безраздельнее она занимала его сердце. Из влюбленного меломана он превращался в рыцаря музыки.

1 сентября 1929 г. Иван Иванович Соллертинский был принят на должность лектора Ленинградской филармонии. И вскоре концертные программы филармонии обогатились забытыми шедеврами мировой классики и произведениями современников. Под сводами бывшего Дворянского собрания зазвучали сочинения Берлиоза и Брамса, Брукнера и Малера, Прокофьева и Шостаковича.

Одно из воспоминаний о Соллертинском-ораторе сохранилось в рассказе Ираклия Андроникова «О Соллертинском всерьез»: «Голос ломкий, эмоциональная речь тороплива, ускоренна. Но великолепная, утрированно четкая дикция позволяет слышать в огромном концертном зале каждое слово. Ничего, казалось бы, от обычного представления об ораторе — об ораторском жесте, об ораторском голосе. А между тем, какой талант, свобода импровизации, какой ум и покоряющее действие слова! <...> Факты, примеры, цитаты, остроумные сопоставления убеждают самого требовательного профессионала и в то же время понятны неподготовленному слушателю...».

Придя в филармонию, Соллертинский не оставил занятий публицистикой. Но теперь наряду с материалами о литературе и театре он пишет и рецензии на симфонические концерты. Перу Соллертинского принадлежат также фун-

даментальные исследования творчества Берлиоза, Листа, Вагнера, Брамса, Малера, Брукнера, Чайковского, Шенберга, Шостаковича...

В 30-е годы Соллертинский сотрудничает с несколькими музыкальными театрами. При подготовке спектаклей он читал артистам лекции о композиторе, об историческом фоне и условиях создания произведения, об особенностях сценарной и музыкальной драматургии. Именно Соллертинский ввел в обиход эти занятия с труппой, которые позже стали обязательными у лучших постановщиков.

В 1936 г. Соллертинский начал преподавать в Ленинградской консерватории. Здесь он читал курсы истории зарубежной музыки, истории мирового театра, эстетику.

В том же 1936 г. произошло знакомство Ивана Соллертинского с двадцатипятилетней студенткой консерватории Ольгой Демянской. Впоследствии она стала его женой. В 1939 г. у них родился сын Митя, названный так в честь друга Соллертинского — Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

В год рождения сына Иван Иванович Соллертинский стал профессором Ленинградской консерватории, а вскоре и художественным руководителем филармонии. Его рабочий график уплотнялся день ото дня. За лекциями в консерватории следовала работа с музыкантами филармонии, за декадой ленинградского искусства в Москве — конференции, посвященные Шекспиру, симфоническому искусству, опере. Материалы для массовых изданий порой писались уже за полночь...

В августе 1941 г. симфонический оркестр Ленинградской филармонии был эвакуирован

Витебск. Дворец губернатора, в котором после революции находился губисполком. Открытка начала XX в.

в Новосибирск. Туда же направили и Соллертинского с семьей. Не думая, что это надолго, он оставил дома, под присмотром брата Василия, рукописи новых книг о Россини и Малере, другие записи, дневники, — почти весь свой архив. (В 1942 г., когда брат умер, архив Соллертинского попал в руки случайных людей, и оказалось, вопреки известному изречению, что рукописи очень даже горят).

Из письма И. Соллертинского А. Гозенпуду: «В начале октября открыли симфонический сезон, стараясь в репертуаре сохранить ленинградский стиль: много Моцарта <...>, Брамса, Малера, Стравинского, Шостаковича. Публика ходит охотно. При филармонии — совместно с Третьяковской галереей — открыли лекторий по вопросам искусства, каковой пока работает на аншлагах». Действительно, в Новосибирске, где прежде не было традиции симфонических концертов, попасть на выступления ленинградского коллектива скоро стало проблемой, зал филармонии не вмещал всех желающих.

Кроме дел в филармонии, Пушкинском театре и Театральном институте, были еще лекции по истории, литературе, театру и музыке в Университете литературы и искусства.

С Шостаковичем они встретились только в июне 1942 г., когда композитор прибыл в Новосибирск на премьеру своей Седьмой симфонии. До этого и на протяжении следующего года Шостакович регулярно писал другу: за два года более тридцати пяти писем и других почтовых отправлений. И тогда же в письмах Шостаковича зазвучал мотив беспокойства о здоровье друга. Одному ему Соллертинский признался, какие невзгоды и перегрузки он теперь переносит. А в дневнике Соллертинского все чаще встречается слово «бессонница».

В сентябре 1943 г. Соллертинский отправился в Москву на конференцию о Чайковском. Из письма жене: «Здесь меня буквально рвут на части. Если принимать все предложения, я сейчас имел бы не менее 15-20 служб». Кроме того, дирекция Московской филармонии просила Ивана Ивановича прочесть доклады на темы: «Мировое значение русской музыкальной культуры», «Шостакович и его Восьмая симфония», выступить со вступительным словом к нескольким концертам симфонического оркестра в Большом зале консерватории.

Возвратясь ненадолго в Новосибирск, в ноябре Соллертинский снова уехал в Москву. Сверх уже названных выступлений, ему поручен основной доклад на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Чайковского. Он

И.И. Соллертинский — свидетель регистрации брака
Д.Д. Шостаковича и Н.В. Шостакович.
Ленинград, 20 июля 1932 г.

все сильней уставал, а возвращение к семье все откладывалось. По возвращении, 11 декабря, он уже держал речь перед началом концерта. Вслед ему в Новосибирск летели телеграммы с новыми просьбами о выступлениях, докладах и статьях. Но здесь уже готовилась к исполнению Восьмая симфония Шостаковича. Ее новосибирская премьера состоялась 5 февраля. 6-го февраля концерт повторился. Оба вечера Соллертинский говорил свое вступительное слово.

10 февраля 1944 г. была еще одна премьера — канцаты, сочиненной молодым композитором А.Новиковым.

Сердце остановилось в ночь на 11 февраля.

…Направив телеграмму вдове друга, Дмитрий Дмитриевич Шостакович тотчас телеграфировал в Ленинград, на адрес филармонии: «Примите меры сохранности рукописей Соллертинского...». Весной 1944 г. Шостакович написал Второе трио для фортепиано, скрипки и виолончели, посвятив его памяти Соллертинского. По мнению сестры Соллертинского, Екатерины Ивановны, вторая часть этого трио — «портрет Ивана Ивановича, которого Шостакович понимал как никто другой. Это его задор, его полемичность, манера речи, привычка возвращаться к одной и той же мысли, развивая ее...».

Спустя много лет, в телевизионной передаче, Шостакович сказал, что лучшимувековечением памяти Ивана Ивановича Соллертинского будет увековечение его дела — страстный труд во имя музыкальной культуры.

По материалам книги Л. Михеевой «И.И. Соллертинский. Жизнь и наследие» (Л., 1988) составила О. Олефиренко.